

Цыбенов Б. Д. Новый источник о взаимоотношениях Хулун-Буира и Внешней Монголии в 1912—1915 годах / Б. Д. Цыбенов // Научный диалог. — 2021. — № 2. — С. 422—435. — DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-422-435.

Tsybenov, B. D. (2021). A new Source on the Relationship between Hulun Buir and Outer Mongolia in 1912—1915. *Nauchnyi dialog*, 2: 422-435. DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-422-435. (In Russ.).

УДК 930(517.3)“1915”+94(517)“1912/1915”

DOI: 10.24224/2227-1295-2021-2-422-435

НОВЫЙ ИСТОЧНИК О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ ХУЛУН-БУИРА И ВНЕШНЕЙ МОНГОЛИИ В 1912—1915 ГОДАХ¹

© Цыбенов Базар Догсонович (2021), orcid.org/0000-0002-0404-7207, кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник отдела истории и культуры Центральной Азии, федеральное государственное бюджетное учреждение науки Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук (Улан-Удэ, Российская Федерация), bazar75@mail.ru.

Рассматривается малоизвестный источник — рукопись «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира», хранящаяся в Государственном архиве Иркутской области. Автором статьи проведены следующие работы: описание рукописи, уточнение ее датировки, определение вероятной источниковой базы. Выполнен сравнительно-сопоставительный анализ исторических фактов, представленных в рукописи. Выяснено, что в двух первых предложениях анонимный автор обрисовал суть неопределенной ситуации, сложившейся с присоединением Хулун-Буира к Внешней Монголии в 1912 году. Охарактеризованы другие составляющие текста: малоизвестные сведения о поездке в Ургу баргутского ламы Лобсанчжамба и затем о посещении делегации Хулун-Буира; данные о встрече делегатов с российским консулом В. Ф. Люба и описание его реакции на факт присоединения Хулун-Буира к Внешней Монголии; наконец, сказано о разочаровании правителя Хулун-буира — Шенфу, осознавшего зависимость Хулун-Буира от зависимой, в свою очередь, Внешней Монголии и т. д. Анализ содержания последнего листа рукописи позволяет заключить, что часть хулунбуирского чиновничества, близкого к маньчжурам, выражала открытое недовольство сложившейся ситуацией. Автор статьи предполагает, что часть даурских чиновников, в отличие от баргутов, искренне уверовавших в создание единого Монгольского государства, склонялись к восстановлению маньчжурской династии и были недовольны неясным будущим Хулун-Буира.

Ключевые слова: источник; Хулун-Буир; Внешняя Монголия; Дамдинсурен; Шенфу; Хутухта; делегация.

1 Исследование выполнено в рамках государственного задания «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства».

1. Введение

Синьхайская революция 1911 года привела к крушению незыблемую прежде Цинскую империю и стала фактором усиления сепаратистских тенденций в отдельных национальных регионах, ранее подвластных империи. Так, в конце 1911 года Внешняя Монголия во главе с буддийским лидером Богдо-гэгэном VIII (другие имена: *Хутухта*, *Богдо-хан*) провозгласила свою независимость. Однако преемница Цинской империи — Китайская Республика — отказалась признавать ее суверенитет, наделив правами широкой автономии. С другой стороны, Российская империя и далее СССР стремились к усилению своего влияния в этом регионе. Из истории известно, что проблема независимости Внешней Монголии на несколько десятков лет стала камнем преткновения в политических взаимоотношениях Российской империи / СССР и Китайской Республики и была окончательно разрешена в пользу независимой Монгольской Народной Республики в октябре 1945 года, после окончания Второй мировой войны. В то время это был один из редких примеров разрешения ситуации образованием государства — реального актора международных отношений.

В большинстве случаев в результате распада полиэтничных империй / государств появляются недолговечные государственные образования, которые в силу разных причин вновь оказываются в составе обновленного, но по сути прежнего государства. Одним из таких государственных образований в свое время был Хулун-Буир (ныне городской округ Хулун-Буир Автономного района Внутренняя Монголия КНР), провозгласивший независимость в 1912 году. Дальнейшая история Хулун-Буира, включая его возвращение в состав Китайской Республики в 1920 году, достаточно хорошо известна. Тем не менее история обретения независимости, несмотря на исторически хорошо обозримый период и существование разноязычных источников, продолжает обрастать новыми, в первую очередь архивными, деталями.

Одним из интересных архивных источников по проблеме независимости вышеназванного региона является «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира». Этот документ хранится в Государственном архиве Иркутской области [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, 8 л.], представляет собой неполную рукопись, возможно, черновой вариант научной работы или отчета. Записи сделаны карандашом, на последнем (шестом) листе они местами утрачены вследствие порчи бумаги. Очевидно, что исходный текст был гораздо большего объема, нежели его сохранившаяся часть. Автор рукописи неизвестен. По всей видимости, им был представитель интеллигенции или чиновник, чьи обязанности или интересы включали изучение современной ситуации в Хулун-Буире. Дату напи-

сания рукописи можно предварительно определить, как 1915 год. Между тем в архиве дело ошибочно датировано 1872 годом. Можно предположить, что в силу различных обстоятельств маленькая по объему рукопись о Хулун-Буири могла оказаться в кипе архивных материалов за 1872 год. С другой стороны, указание на 1872 год, возможно, было связано с другими работами автора рукописи, датированными этим годом. Хотя, как нам сейчас кажется, могла иметь место техническая погрешность архивистов, которые датировали документ исходя из отчетливо прописанной даты — 1872 года — в начале 5-го листа работы.

Перейдем собственно к анализу текста рукописи. В верхней части первого листа имеется запись «газет Монголун сонин бичик». Здесь, очевидно, из-за порчи бумаги утрачен стоявший впереди словосочетания предлог «из». Таким образом, запись была следующей: «из газет Монголун сонин бичик». Из этого можно сделать вывод, что автор в написании своей работы использовал материалы указанной газеты, издававшейся русскими в начале XX века в Харбине [Пайчадзе, 1997, с. 51—56]. Известно, что она издавалась на старописьменном монгольском языке. А. В. Бурдуков писал в ноябре 1910 года В. Л. Котвичу, что многие монголы просили у него эту газету, очень интересовались ею. В результате в 1912 года Бурдуков привлек уже около 10 подписчиков на «Монголун сонин бичик» [Даревская, 1963, с. 206]. Газета, как мы видим, пользовалась успехом во Внешней Монголии. Вероятно, читали ее и во Внутренней Монголии, где, к слову сказать, старописьменный монгольский язык сохранился и по сей день. Возвращаясь к нашему источнику, с большой долей уверенности предположим, что анонимный автор в написании своей работы использовал некоторые номера вышеуказанной газеты.

2. Вопрос о статусе Хулун-Буира после восстания 1912 года: неопределенность ситуации и начало поляризации взглядов чиновничества

Рукопись начинается с предложения, в котором очевидно отражена вся суть последующего повествования: «В прошлом году, после того как Ургинское правительство, после состоявшегося уже официального присоединения Хулунбуира к владениям Хутухты, вдруг отказалось от своего намерения ввести эту область в состав независимой Монголии, правление в Хулунбуире стало не прочным и у правителей области начались разногласия по самому малейшему поводу» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Речь идет о событиях после 1912 года, когда население Хулун-Буира, свергнув китайские власти, решило присоединиться к богдо-гэгэновской Монголии. Известно,

что первоначально все шло хорошо, и есть данные о вхождении Хулун-Буира в состав Внешней Монголии, где он и находился до Кяхтинской конференции 1915 года [Atwood, 2002, p. 121]. В связи с этим интересна трактовка автора относительно объединения двух монгольских регионов, указывающая, с одной стороны, на официальное присоединение Хулун-Буира, а с другой — на отказ от включения региона в состав Внешней Монголии. По его мнению, такова была позиция монгольского правительства. Неопределенная ситуация с вхождением в состав Внешней Монголии не могла не вызвать разногласий среди чиновников Хулун-Буира. Как далее отмечает автор, расхождения во взглядах были довольно серьезные: «Одни стали явно на сторону прежнего своего покровителя Китая и начали восхищаться его “мудрое” правление, от которого население Хулунбуира столько веков благоденствовало, другие по-прежнему оставались верными идее объединения Монголии и указывали на колебание Ургинского правительства, как на явление временное и вынужденное политическими комбинациями; последние стали призывать к солидарности и рисовали последствия, которые прочат(?) Хулунбуиру при разделении власти в управлении Ургой» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Конец предложения не совсем понятен нам, не удалось разобрать написанное автором. Тем не менее из данного предложения можно сделать вывод о наличии в среде хулун-буирского чиновничества двух полярных точек зрения на происходящие события. Таким образом, первый абзац рукописи посвящен актуальности темы исследования и может быть трактован как введение или вводная часть статьи.

После вводной части автор переходит к истории «хулунбуирского вопроса»: «... в начале 1912 года после нескольких стычек у города Лубинфу (около ст. Маньчжурия) хулунбуирские монголы объявили себя независимыми от Китая и во главе с бывшим угурдой Шенфу установили в области самостоятельное управление» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Вышеуказанные события достаточно хорошо рассмотрены в исторической науке [Базаров, 2002, с. 10—11; Тарасов, 2013, с. 51—52], можно отметить соответствие сведений архивного источника с другими официальными данными. Между тем можно утверждать, что в тексте нет сведений о факте захвата восставшими монголами в 1912 году административного центра региона — года Хайлар и изгнания китайских властей из города. Упор в работе сделан на столкновения у города Лубинфу, которые и явились решающими в деле обретения независимости. Не отмечена в рукописи помощь российских военных, которая имела большое, если не решающее значение в исходе вооруженного противостояния монголов и китайцев. По некоторым данным, во время перестрелки у Лубинфу был убит русский офицер 15-го

стрелкового полка Каплинский, выступивший с баргутами добровольцем. Оружие баргутам было роздано бурятским деятелем Ц.-Е. Цыдыповым в Маньчжурии ночью перед выступлением [АУФСБ по РБ, д. 7536, л. 153].

Интересные сведения даны о новом правителе Хулун-Буира — Шенфу, который назван «бывшим угурдой». Над словом «угурда» сделана ссылка в виде буквы «х» и внизу страницы указано, что «угурда — от маньчжурского «ухэрида» — полковник. Там же отмечено, что Шенфу около 1908 года был помощником китайского фудутуна (губернатора Хулунбуира)» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1]. Это обстоятельство согласуется с воспоминаниями внука Шенфу — Соелжава, который указывал, что в 1908 году впервые управляющим Хулун-Буира (монг. «Хулунбуйрын захирагч») стал выходец из монголов — Шенфу. Сын простых скотоводов, научившийся писать, отмечая буквы на песке, он сумел дослужиться до высокой должности самостоятельно. Шенфу прошел путь от писаря канцелярии до амбана Хулун-Буира и пользовался большим уважением в народе [Qosokava, 2015, с. 19—20].

3. Первые делегации Хулун-Буира во Внешнюю Монголию в 1912 году: состав, время пребывания и результаты переговоров с Богдо-гэгэном и генеральным консулом Российской империи в Урге В. Ф. Люба

К малоизвестным в отечественном монголоведении данным относится отмеченная в источнике поездка в Ургу из Хулун-Буира влиятельного ламы Лобсанчжамба — выходца из новых баргутов, которого анонимный автор называет первым посланцем для зондирования почвы насчет присоединения Хулун-Буира к Халхе. Отмечается, что Лобсанчжамба был встречен очень радушно и давал из Урги благоприятные сведения. Дата поездки неизвестна, но есть указание, что в конце января (очевидно, речь идет о 1912 годе) по указанию Хутухты он был награжден шелковым олбоком (квадратным ковриком для сиденья) [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 1], считающимся весьма почетной наградой в среде буддийского духовенства. Можно предположить, что поездка Лобсанчжамбы в Ургу могла состояться в начале января 1912 года. Данные о награждении указанного ламы шелковым олбоком (монг. *торгон дэвсгэр*) от имени Богдо-хана сохранились в монгольских архивных документах. Там же отмечается, что Лобсанчжамба имел духовные звания гелуна и рабчжамбы, относился к сплошному белому знамени новых баргутов [Монголчуудын, 2014, с. 98]. В целом буддийское духовенство Хулун-Буира было за присоединение региона к Внешней Монголии. В частности, монастырь Өлзий Энхжүүлэгч, являвшийся центром буддизма в Новой

Барге, весной 1912 года изъявил желание следовать уставу и порядку, установленному Богдо-гэгэном [Мягмарсамбуу, 2017, с. 48].

Поездка ламы Лобсанчжамбы в целом увенчалась успехом, и, как далее отмечено в источнике, «монголы стали склоняться на сторону Халхи и весной того же года созвали было правителей хошунов с выборными от народа на совещание, в результате которого было составлено посольство в Ургу к Хутухте с просьбой о подданстве» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. Здесь можно обнаружить некоторое несоответствие в хронологии, поскольку далее отмечено, что «посольство прибыло в Ургу 6 февраля 1912 года и в апреле было принято на аудиенции Хутухтой» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. Факт прибытия делегации Хулун-Буира в Ургу 6 февраля 1912 года, надо думать, указан точно и сомнению не подлежит. Тогда, что же означает «совещание, созванное весной»? На наш взгляд, в работе приведен дословный перевод со старописьменного монгольского языка, где под весной подразумевалось наступление этого сезона и соответственно начало нового года согласно традиционному восточному (лунному) календарю. Каждый год он выпадает на разные дни января-марта. В нашем случае, можно предположить, что весна и новый год в 1912 году наступили до 6 февраля, возможно, в январе. Поэтому в работе говорится о весне по традиционному лунному календарю, хотя на деле события могли происходить зимой, в январе.

В состав делегации входили командир 3-го сумуна белого ново-монголо-бурятского знамени, сумуну-цзангин (есаул, капитан) Дамдинсурун, ставший во главе посольства; старшины Чжангца, Паданга, Яндабу (или Ямбалту), Бодигэрэл и писарь Гуйсаху [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. Эти данные о составе делегации коррелируют с опубликованными документами из Монгольского национального архива. Так, в указе Богдо-хана от 11 февраля 1911 года отмечены следующие делегаты: «Дамдинсурэн, Цэгц, Бадаахин, Янтавуу, Бодьгэрэл, писарь Гайхасу» [Монголчуудын, 2014, с. 97]. Как мы видим, русские и монгольские написания личных имен делегатов имеют некоторые различия; но все же можно понять, что речь в них идет об одних и тех же лицах. Далее анонимный автор отмечает, что по поводу писем Дамдинсуруна Богдо-ханом выражено было одобрение и обнародован был указ о принятии в подданство хулунбуирских монголов. При этом правитель Хулунбуира Шенфу был возведен в княжеское достоинство 3-й степени бэйлэ; Дамдинсурун был пожалован титулом графа (гуна) с назначением советником министерства иностранных дел; Чжангца (или Чжанчжин) и другие старшины получили чины 5-й степени, а Гуйсаху — чин 4-й степени [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 2]. В работе подчеркивается, что известие о принятии Хулун-Буира в состав Внешней

Монголии было принято населением Халхи и Хулун-Буира с восторгом, и сам правитель Шенфу, назначенный тем же указом Хутухты генерал-губернатором Хулун-Буира, стал готовиться к отъезду в Ургу для выражения признательности от себя и народа за оказание милости.

Тем временем, как повествуется в источнике, события в Урге приобрели несколько неожиданный для делегатов поворот. Дело в том, что посольство Дамдинсуруна встретило противодействие своим стремлениям со стороны генерального консула Российской империи в Урге В. Ф. Люба. В марте 1912 года делегаты от Хулун-Буира во главе с Яндабу явились к нему в поисках выражения сочувствия и поддержки в вопросе присоединения Хулун-Буира, но получили отрицательный ответ. Делегатам было заявлено, что российское правительство в этом вопросе какого-либо содействия или поддержки оказывать не намерено. Таким образом, последовавший в апреле указ Хутухты о присоединении Хулун-Буира вступил в противоречие с заявлением российского консула, который признать этот акт отказался [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 3]. Позиция России в вопросе о Хулун-Буире для делегатов была не совсем понятной, учитывая ранее предоставленную ей военную помощь зимой 1912 года в деле взятия крепости Лубинфу. Очевидно, уже именно после встречи с генеральным консулом В. Ф. Люба у делегатов и впоследствии у чиновничества Хулун-Буира зародилось чувство некоторого разочарования и неопределенности. Дело, конечно, было не в генеральном консуле; В. Ф. Люба характеризуется некоторыми авторами как скромный и честный служака, милый и остроумный человек [Григорьев, 2010, с. 34], а в официальной позиции российского правительства, пытавшегося найти лучшее для России решение в сложившейся ситуации. Общеизвестно о ней стало в июне 1912 года, когда министр иностранных дел Российской империи С. Д. Сазонов высказался против присоединения Барги к Монголии [Мягмарсамбуу, 2017, с. 66].

Неопределенность вызвала разочарование Шенфу, который, по данным источника, прибыл в Ургу 7 июля 1912 года для выражения верноподданнических чувств и был осыпан милостями и получил инструкции монгольского правительства по управлению страной. По замечанию Шенфу, «положение Хулунбуира, зависимого от зависимой в свою очередь Халхи, один лишь пустой звук, т. к. от его просьбы о соответствующей помощи страной, как духовной, так и материальной, остались не зафиксированы ни каким жестом со стороны монгольского правительства» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 3]. Шенфу в своих высказываниях был очень прозорлив. Как известно, российский дипломат И. Я. Коростовец осенью 1912 года наотрез отказался рассматривать вопрос о Хулун-Буире на российско-мон-

гольских переговорах [Батсайхан, 2009, с. 69]. С другой стороны, выражение «зависимая Халха» (или Внешняя Монголия), которое еще можно понять как «автономная Монголия», ныне может быть оспорено современными исследователями. Есть мнение, что монголы того времени трактовали переведенные с китайского источника слова «самоопределение» и «самостоятельность» как «независимость» [Тачибана, 2019, с. 124—125]. По данным Н. Хишигт, Внешняя Монголия провозгласила свою независимость до провозглашения Китайской Республики [Хишигт, 2011, с. 26]. Можно констатировать, что ситуация в целом была сложной и неоднозначной. Внешняя Монголия находилась в начале пути к обретению статуса признанного де-юре суверенного государства.

4. «...Прозванные баргутами за свою лихость, отвагу и крайнюю свирепость»: о вкладе баргутских военных формирований во главе с Дамдинсуруном в военных действиях между Внешней Монголией и Китаем в 1912—1915 годах

Непростая обстановка, сложившаяся вокруг статуса Внешней Монголии и Хулун-Буира, была осложнена военными действиями между Внешней Монголией и Китаем в 1912—1915 годах, известными в монгольской истории как «Таван замын байлдаан» (Сражения по пяти направлениям). Так, в источнике имеются следующие записи: «Между тем на юг, юго-восток и запад началась партизанская война Монголии с Китаем, с заметным успехом монголов. Дамдинсурун во главе немногочисленного отряда монгольских чинов ... (? слово не понято нами. — *Б. Ц.*), будучи отправлен на запад, взял 8 августа того же года штурмом китайскую крепость Кобдо. На востоке, в княжестве Чжасакту вана Удая поднялось поголовное восстание; масса китайских поселенцев была разорена до основания, и китайцы изгнаны. И эти успехи монголов заставили правителей Хулунбуира верить в лучшее будущее и поддерживать свое самоуправление хотя бы собственными силами» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 3—4]. Далее анонимный автор отмечает отправку докладов по управлению регионом в Ургу на утверждение; указы Богдо-хана, направленные Шенфу, в частности, распоряжение о представлении подробного перечня всех доходов, получаемых в Хулун-Буире [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 4]. Информация об указах Богдо-хана (о назначении чиновников; наказаниях за разбой и грабежи) от 14 и 15 августа 1914 года имеется и в монгольских архивных материалах [Монголчуудын, 2014, с. 107, 110—111]. Таким образом, можно говорить об отдельных официальных фактах начавшейся социально-экономической интеграции региона в состав Внешней Монголии.

Особое внимание в источнике уделено выдающимся способностям хулуибуирских монголов в военном деле: «Имея знаменную организацию, войска эти всегда находились под знаменами, вели обучение и были строго дисциплинированы. На них не раз опиралась маньчжурская династия, и там, где не имели успеха прочие правительственные войска, там блестяще выполняли свой долг «баргуты», прозванные в империи Китая так за свою лихость, отвагу и крайнюю свирепость (например, усмирение дунган в 1872 года) [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 4—5]. Заметим, что этноним *барга* (самоназвание баргутов) восходит к средневековой истории тюркомонголов, поэтому к XIX веку он уже имел тысячелетнюю историю.

Развивая свой тезис о качестве баргутских войск, автор указывает, что монгольское правительство стало на них рассчитывать, как на опору в будущем. Так, в источнике отмечено: «В Хулуибуир было послано оружие и боевые припасы, для возбуждения рвения и интереса к делу посыпались всевозможные поощрения и награды рядовым старшинам знамен и их помощникам с титулами: цзорикту (смелый, решительный), багатур (богатырь, герой), идэрхик (сильный, могущественный) и т. д., вплоть до титула князей 2-й степени цзюньванов». Подробно также описаны титулы и должности Дамдинсуруна в период с 1912 по 1914 гг. [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 5]. Вышеотмеченные факты находят подтверждение в монгольских источниках. Так, известно, что более десяти баргутских воинов, прославившихся во время взятия Кобдо и в военных действиях с Китаем, были удостоены звания народных героев Монголии [Мягмарсамбуу, 2017, с. 60]. По другим данным, почетным званием от Богдо-гэгэна были награждены пять баргутских воинов [Ганжуурдалайн, 2016, с. 24]. Выделяя Дамдинсуруна, анонимный автор пишет, что в феврале 1913 года монгольские и российские дипломаты прочили ему должность военного министра. Особенно настаивал на этом приехавший в Ургу для заключения договора российский уполномоченный И. Я. Коростовец. По его мнению, Дамдинсурун хорошо знал военное дело и выделялся командирскими способностями на фоне других [Коростовец, 2004, с. 308]. Как известно, он был назначен первым советником военного министра и заместителем министра иностранных дел Внешней Монголии [Ванчикова и др., 2017, с. 182].

5. Причины противодействия даурских чиновников Хулуи-Буира интеграции региона с Внешней Монголией

Работа обрывается на шестом листе, где сохранились лишь два предложения и далее можно разобрать отдельные словосочетания: «Тем не менее,

недоверие населения Хулунбуира к мощи Халхи стало расти и недовольство фиктивной зависимостью стало распространяться особенно среди более близкого по своему родству к маньчжурам элемента. После объявления независимости Хулунбуира помощником правителя Шенфу был избран наиболее влиятельный угурда из племени да... (край листа оборван, по всей видимости, написано — даур или дагур. — *Б. Ц.*) по фамилии Ань. Он составил...недовольных главным образом...ганских племен (или хошунов) и ...1913 года прибыл в Харбин... примирение с Китаем... Ань стал просить...» [ГАИО, ф. 293, оп. 1, д. 821, л. 6]. Очевидно, речь здесь идет о противоречиях между даурами и баргутами. Дауры долгое время считались тунгусо-маньчжурским народом, стоящим близко к маньчжурам. Шенфу и другие чиновники Хулун-Буира — выходцы из дауров имели привилегированное положение в период правления Цинской династии. Теперь, осознавая свое шаткое положение, они стали искать наиболее приемлемое в их ситуации решение.

Из источников известно, что большую роль в переменах политического курса Хулун-Буира в 1912—1915 годах и в последующие годы играли противоречия между даурами и баргутами. Так, в 1917 году российский вице-консул в Хайларе поддерживал старо-баргутское влияние в делах управления Хулун-Буира, чтобы создать противовес влиянию дауров; выяснял взгляды ново-баргутов на этот счет [АВПРИ, ф. 299, оп. 573, д. 3, лл. 29, 98]. Императорский посланник России в Китае выступал за признание фудутуном Хулун-Буира гун-амбаня Аня [АВПРИ, ф. 299, оп. 573, д. 3, л. 19], о котором шла речь выше, в анонимной рукописи. Как сообщал современник тех событий, вся власть в Хулун-Буире находилась в руках дауров [АУФСБ по РБ, д. 7536, л. 155]. Даурская знать приняла активное участие в подготовке вооруженного восстания. Ей не были чужды идеи всемонгольского национально-освободительного движения. Но в то же время другой веской причиной участия дауров в восстании 1912 года была замена института амбаней на администрацию фудутуней и даотаев в 1905—1909 годах, в результате которой региональные чиновники лишились своих должностей. Поэтому ликвидация новых китайских властей для них означала возврат к прежней модели внутренней автономии в делах и восстановление в утраченных должностях [Цыбенов, 2017, с. 203]. Не последнюю роль в последующих политических колебаниях даурской верхушки сыграли и политические интриги, связанные с вероятным восстановлением авторитета и власти Цинской династии. Дауры, начиная со второй половины XVII века, состояли в тесных отношениях с маньчжурами; их называли *ичэ манжа* (вторые маньчжуры).

6. Заключение

Таким образом, описанный источник — рукопись «Историческая справка о непрочности политического положения Хулунбуира», хранящаяся в Государственном архиве Иркутской области, — несмотря на неполный объем рукописи, все же представляет собой уникальный документ, в котором сохранились ценные сведения о посольстве Хулун-Буира в Ургу в 1912 году. Многие детали источника, как и его автор, остаются неизвестными. Тем не менее информация, представленная на 6-ти неполных листах, раскрывает перед нами интересную картину установления политических взаимосвязей между двумя монгольскими регионами, объявившими в 1911—1912 годах независимое положение от Китая. Ряд упоминаемых в источнике фактов (поездка ламы Лобсанчжамба в Ургу, встреча делегации Хулун-Буира с российским консулом В. Ф. Люба), на наш взгляд, впервые находят отражение в отечественном монголоведении.

Источники и принятые сокращения

АВПРИ — *Архив* внешней политики Российской империи. Ф. 299. Оп. 573. Д. 3. Лл. 19,29, 98.

АУФСБ по РБ — *Архив* Управления Федеральной службы безопасности по Республике Бурятия. Д. 7536. Лл. 153, 155об.

ГАИО — *Государственный архив* Иркутской области. Ф. 293. Оп. 1. Д. 821. Л. 6.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Базаров Б. В.* Неизвестное из истории панмонголизма / Б. В. Базаров. — Улан-Удэ : БНЦ СО РАН, 2002. — 67 с.

2. *Батсайхан О.* Русско-монгольское соглашение 1912 года / О. Батсайхан // Восток. Афро-азиатские общества : история и современность. — 2009. — № 3. — С. 60—69.

3. *Ванчикова Ц. П.* Летопись О. Амаржаргала «О происхождении и историческом развитии барга-бурят» как источник интерпретации этнической истории традиционной культуры барга-бурятской общности / Ц. П. Ванчикова, С. Б. Миягашева // Гуманитарный вектор. — 2017. — Т. 12, № 4. — С. 179—189. — DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189.

4. *Ганжуурдалайн Ц.* Страницы истории барга-монголов / Ц. Ганжуурдалайн // Регион в приграничном пространстве : материалы междунар. науч. конф. — Чита : Изд-во ЗабГУ, 2016. — С. 22—27.

5. *Григорьев Б. Н.* Повседневная жизнь царских дипломатов в XIX веке / Б. Н. Григорьев. — Москва : Молодая гвардия, 2010. — 519 с.

6. *Даревская Е. М.* Алексей Васильевич Бурдуков (О роли русских поселенцев в изучении Монголии) / Е. М. Даревская // Очерки по истории русского востоковедения. Сборник VI. — Москва : Издательство восточной литературы, 1963. — С. 187—217.

7. *Дуутан Ж. Гэрэлбадрах.* Монголчуудын нэгдсэн улс байгуулахын төлөөх тэмцэл (1911—1915). Т. I. / Гэрэлбадрах Ж. Дуутан. — Улаанбаатар : «Адмон» хэвлэлийн газар, 2014. — 376 с.

8. *Коростовец И. Я.* От Чингис-хана до Советской республики (краткая история Монголии с особым учетом новейшего времени) / И. Я. Коростовец. — Улан-Батор : Эмгэнт, 2004. — 560 с.

9. *Мягмарсамбуу Г.* Бүс нутаг, Монголын түүхэн дэх Барга: улс төрийн түүх (1900—1960 он) / Г. Мягмарсамбуу. — Улаанбаатар : Соёмбо принтинг, 2017. — 338 с.

10. *Пайчадзе С. А.* О русской книге в Азиатско-Тихоокеанском регионе. Дальний Восток / С. А. Пайчадзе // Вестник Омского университета. — 1997. — Вып. 4. — С. 51—56.

11. *Тарасов А. П.* Исторические судьбы Барги и Забайкалье / А. П. Тарасов // Азия и Африка сегодня. — 2013. — № 4. — С. 50—55.

12. *Тачибана М.* Правительство автономной Внешней Монголии в истории: оценки в прошлом и настоящем / М. Тачибана // Труды Института востоковедения Российской академии наук. Вып. 25 : Институт Богдо-гэгэна в истории Монголии. — 2019. — С. 121—142.

13. *Хишигт Н.* Восстановление независимости Монголии в 1911—1921 гг. / Н. Хишигт // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. — 2011. — № 3. — С. 19—35.

14. *Цыбенков Б. Д.* К изучению истории дауров Хулун-Буира (1911—1917) / Б. Д. Цыбенков // Иркутский историко-экономический ежегодник: 2017. — Иркутск : БГУ, 2017. — С. 201—210.

15. *Atwood C. P.* Young Mongols and vigilantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911—1931 / C. P. Atwood. — Brill, 2002. — 1168 p.

16. *Qosokava G.* Kelmegedegüelte-ber šorong-du 34 jil / G. Qosokava. — Diyan Ma keblel-ün kijayartu kompani keblebe, 2015. — 378 p.

A NEW SOURCE ON THE RELATIONSHIP BETWEEN HULUN BUIR AND OUTER MONGOLIA IN 1912—1915¹

© **Bazar D. Tsybenov (2021)**, orcid.org/0000-0002-0404-7207, PhD in History, Associate Professor, Senior Researcher, Department of History and Culture of Central Asia, The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences (Ulan-Ude, Russian Federation), bazar75@mail.ru.

A little-known source — the manuscript “Historical information on the fragility of the political situation of Hulunbuir”, stored in the State Archives of the Irkutsk region is considered. Description of the manuscript, clarification of its dating, determination of the probable source base was performed by the author of the article. A comparative analysis of the historical facts presented in the manuscript was carried out. It was found that in the first two sentences the anonymous author outlined the essence of the uncertain situation that developed with the annexation of Hulun Buir to Outer Mongolia in 1912. Other components of the text are characterized: little-known information about the trip to Urga of the Bargut lama Lobsanchjamba and then about the visit of the delegation of Hulun-Buir; data on the meeting of the delegates with the Russian consul V. F. Lyuba and a description of his reaction to the fact of the annexation of Hulun-Buir to Outer Mongolia; finally, it is said about the disappointment of the ruler of Hulun-Buir — Shenfu, who realized the dependence of Hulun-Buir on the dependent, in turn, Outer Mongolia, etc.

1 Исследование выполнено в рамках государственного задания «Историческое пространство монгольского мира: археологические культуры, общества и государства».

An analysis of the contents of the last page of the manuscript allows us to conclude that part of the Hulunbuir officials, close to the Manchus, expressed open dissatisfaction with the situation. The author of the article suggests that some of the Daurian officials, unlike the Barguts, who sincerely believed in the creation of a unified Mongolian state, tended to restore the Manchu dynasty and were unhappy with the unclear future of Hulun Buir.

Key words: source; Hulun Buir; Outer Mongolia; Damdinsurun; Shenfu; Hutukhta; delegation.

MATERIAL RESOURCES

- AVPRI — *Arkhiv vneshney politiki Rossiyskoy imperii* [Archive of the foreign policy of the Russian Empire]. (In Russ.).
- AUFBSB po RB — *Arkhiv Upravleniya Federalnoy sluzhby bezopasnosti po Respublike Buryatiya* [Archive of the Office of the Federal Security Service for the Republic of Buryatia]. (In Russ.).
- GAIO — *Gosudarstvennyy arkhiv Irkutskoy oblasti* [State Archives of Irkutsk Region]. (In Russ.).

REFERENCES

- Atwood, C. P. (2002). *Young Mongols and vigilantes in Inner Mongolia's interregnum decades, 1911—1931*. Brill. 1168 p.
- Batsaykhan, O. (2009). Russko-mongolskoe soglasenie 1912 g. [Russian-Mongolian agreement of 1912]. *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva : istoriya i sovremennost'* [East. Afro-Asian societies: history and modernity], 3: 60—69. (In Russ.).
- Bazarov, B. V. (2002). *Neizvestnoe iz istorii panmongolizma* [Unknown from the history of Panmongolism]. Ulan-Ude: BNTs SO RAN. 67 p. (In Russ.).
- Darevskaya, E. M. (1963). Aleksey Vasilievich Burdukov (O roli russkikh poselentsev v izuchenii Mongolii) [Alexey Vasilievich Burdukov (On the role of Russian settlers in study of Mongolia)]. In: *Ocherki po istorii russkogo vostokovedeniya* [Essays on the history of Russian oriental studies]. Moskva: Izdatelstvo vostochnoy literatury. 6: 187—217. (In Russ.).
- Duutan, Zh. Gerelbadrakh. (2014). *The struggle of Mongolians for a united state (1911—1915)*. Ulaanbaatar: «Admon» khevleliyn gazar. 1. 376 p. (In Mongol.).
- Ganzhuurdalayn, Ts. (2016). Stranitsy istorii barga-mongolov [Pages of history of the Barga Mongols]. In: *Region v prigranichnom prostranstve: materialy mezhdunar. nauch. konf.* [Region in the border space: international scientific conference]. Chita: Izd-vo ZabGU. 22—27. (In Russ.).
- Grigoryev, B. N. (2010). *Povsednevnyaya zhizn' tsarskikh diplomatov v XIX veke* [Everyday life of royal diplomats in the 19th century]. Moskva: Molodaya gvardiya. 519 p. (In Russ.).
- Khishigt, N. (2011). Vosstanovlenie nezavisimosti Mongolii v 1911—1921 gg. [Restoration of Mongolian independence in 1911—1921]. *Vestnik Buryatskogo nauchnogo tsentra SO RAN* [Bulletin of the BSC SB RAS], 3: 19—35. (In Russ.).
- Korostovets, I. Ya. (2004). *Ot Chingis-khana do Sovetskoy respubliki (kratkaya istoriya Mongolii s osobym uchetom noveyshego vremeni)* [From Genghis Khan to the Soviet Republic (a brief history of Mongolia with special regard to modern times)]. Ulan-Bator: Emgent. 560 p. (In Russ.).

- Myagmarsambuu, G. (2017). Barga in the history of the region and Mongolia: political history (1900—1960 on). Ulaanbaatar: Soembo printing. 338 p. (In Mongol.).
- Paychadze, S. A. (1997). O russkoy knige v Aziatsko-Tikhookeanskom regione. Dalniy Vostok [About the Russian book in the Asia-Pacific region. Far East]. *Vestnik Omskogo universiteta* [Omsk University Bulletin], 4: 51—56. (In Russ.).
- Qosokava, G. (2015). *Kelmegdegülelte-ber šorong-du 34 jil*. Diyan Ma keblel-ün kijayartu kompani keblebe. 378 p. (In Old Mongolian).
- Tachibana, M. (2019). Pravitelstvo avtonomnoy Vneshney Mongolii v istorii: otsenki v proshlom i nastoyashchem [The significance of Outer Mongolia's Autonomous Government in Mongolian history: past and present estimations]. In: *Trudy Instituta vostokovedeniya Rossiyskoy akademii nauk. Vyp. 25: Institut Bogdo-gegea v istorii Mongolii* [Proceedings of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences, issue 25: the BogdGeegen Institution in the History of Mongolia]. 121—142. (In Russ.).
- Tarasov, A P. (2013). Istoricheskie sud'by Bargi i Zabaykalye [Historical fate of Barga and the Transbaikal]. *Aziya i Afrika segodnya* [Asia and Africa today], 4: 50—55. (In Russ.).
- Tsybenov, B. D. (2017). K izucheniyu istorii daurov Khulun-Buira (1911—1917) [History of daur people in Hulun-buir (1911—1917)]. In: *Irkutskiy istoriko-ekonomicheskiy ezhegodnik* [Irkutsk Historical and Economic Yearbook]. Irkutsk: BGU. 201—210. (In Russ.).
- Vanchikova, Ts. P., Miyagasheva, S. B. (2017). Letopis' O. Amarzhargala «O proiskhozhdenii i istoricheskom razvitií barga-buryat» kak istochnik interpretatsii etnicheskoy istorii traditsionnoy kultury barga-buryatskoy obshchnosti [Chronicle by O. Amarjargal “On the origin and historical development of the Barga-buryats” as a source of interpretation of ethnic history and traditional culture of the Barga-buryats]. *Gumanitarnyy vector* [Humanitarian vector], 12 (4): 179—189. DOI: 10.21209/1996-7853-2017-12-4-179-189. (In Russ.).